

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕНОТАТИВНОЙ ОБЛАСТИ СЕМАНТИКИ НЕВЫРАЗИМОГО

© 2016

М.Ю. Михайлова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: функционально-семантическая категория; семантика невыразимого; мотив невыразимого; языковая мода.

Аннотация: Семантика невыразимого в статье определена как функционально-семантическая категория, обладающая самостоятельным значением и планом выражения – полем невыразимого; дается краткий обзор ее изучения в лингвистике; показано, что это объективно-субъективное значение русского языка. Денотативная область семантики невыразимого состоит из константных и переменных сфер. Константных сфер две: внутренний мир человека и мир запредельного. Показано, что в первой из константных сфер наблюдается экспансия элементов поля невыразимого, в результате чего осуществляется пересечение поля невыразимого с полем семантики предельно высокой концентрации качества. Денотативная сфера «внутренний мир человека» в XXI в. пополнилась сегментом внутрителесных ощущений. Показано, что элементы второй константной денотативной сферы семантики невыразимого «мир запредельного» в настоящее время теряют в частотности, сохраняясь в основном в языке художественной литературы. При этом во многих употреблениях элементов этой сферы наблюдается профанирование и пародирование изначально высоких смыслов. Что касается переменных сфер денотативной области семантики невыразимого, то языковые единицы невыразимого соотносятся с различными предметами в широком понимании, качествами и явлениями, применимы по отношению ко всему феноменальному – чувственно воспринимаемому и по отношению к ноуменальному – умопостигаемому, но не наблюдаемому. В частности, элементы поля невыразимого возникают в процессе оперирования неосвоенными мышлением рациональными концептами. Элемент семантики невыразимого «выразить невыразимое» как представитель константных сфер является языковой манифестацией теории немецких романтиков; на русской почве в определенные периоды времени становился элементом языковой моды в художественной литературе: русской лирике XIX в., символизме начала XX в., творчестве ОБЭРИУтов, современном русском постмодернизме. На примере творчества А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова показано, что модный элемент художественного дискурса XIX в. «выразить невыразимое» мог оказаться востребованным или невостребованным в силу индивидуальных предпочтений мастера слова.

Данная работа выполнена в русле нашего исследования семантики невыразимого (СН). СН в русском языке не была еще предметом специального изучения, хотя в различных исследовательских парадигмах содержатся многочисленные попутные характеристики этого языкового феномена. Г.С. Сырица описывает СН в этнокультурном аспекте [1]. Е.П. Иванян пишет о СН, противопоставляя ее семантике умолчания [2]. В.В. Бабайцева говорит о невыразимых смыслах, характеризуя омок-комплекс *это* [3]. В.Г. Гак исследует способы отображения сокровенного смысла в «экстериоризации переживаний субъекта» [4, с. 84]. Подробный обзор изучения значения невыразимого в разных науках осуществлен нами в [5].

Мы исследуем СН в русле функциональной лингвистики как функционально-семантическую категорию с самостоятельным планом содержания и иерархически организованным планом выражения – полем семантики невыразимого. Цель настоящей статьи – осуществить характеристику специфики денотативной области СН.

Как показал языковой анализ, в целом языковые единицы СН соотносятся с различными предметами в широком понимании, качествами и явлениями, применимы как по отношению ко всему феноменальному – чувственно воспринимаемому, так и по отношению к ноуменальному – умопостигаемому, но не наблюдаемому. В свете сказанного можно говорить о константных и переменных денотативных сферах, составляющих денотативную область анализируемой семантики.

Константными денотативными сферами являются: 1) внутренний мир человека (мысли и чувства) и 2) то, что находится за пределами мира феноменального, не познается органами чувств – мир запредельного. Г.С. Сырица отмечает: «Рационально не постигаемое начало мира находит отражение в природе и во внутреннем мире человека» [1, с. 294].

Внутренний мир человека при помощи элементов поля невыразимого предстает «как некая значимая субстанция, сущность которой передается субстантиватами: «*Неизъяснимое свершится*» (А.С. Грибоедов «Грузинская ночь»); «*Слышишь, как наполняет душу небо, и чувствуешь невыразимое*» (Н.В. Гоголь «Скульптура, живопись и музыка»)» [1, с. 294]. Применительно к СН ученые говорят об «экстериоризации переживаний субъекта» [4, с. 489].

В настоящее время в русском языке и речи наблюдается экспансия элементов поля невыразимого, ориентированных на внутренний мир человека. Результатом этого процесса является расширение зоны периферии СН, в которой происходит пересечение с семантикой предельно высокой концентрации качества, например: *Слов нет, как без тебя скачу!*

В языковом средстве СН из приведенного примера помимо компонента ‘не могу выразить’ содержится компонент-интенсификатор ‘очень сильно’. На то, что языковые единицы СН в определенных случаях способны передавать значение интенсификации, указывается в работах [1; 6].

Денотативная сфера СН «внутренний мир человека» всегда составляла описание чувств, эмоций, мыслей,

см. пример из русской народной сказки: «Царевич *не-сказанно обрадовался, взял ее за руку, повел к отцу, к матери*» («Волшебное зеркальце»). Ср. с другим примером, в котором невыразимыми представлены размышления героя: «Он мрачно оделся, неохотно позавтракал, забыл прочитать газету и долго курил, погруженный в *невыразимый мир бесцельного напряжения; среди смутно возникающих слов бродили непризнанные желания, взаимно уничтожая себя равным усилием*» (А. Грин «Алые паруса»).

В настоящее время константная денотативная сфера СН русского языка «внутренний мир человека» расширяет свои границы, включая в свой состав ощущения. Ощущения как сферу невыразимого ученые рассматривают в аспекте наивной картины мира [7] и теории interoцепции – изучении внутрителесных ощущений [8]. Следовательно, среди элементов поля невыразимого в денотативной сфере «внутренний мир человека» происходит перераспределение приоритетов: то, что раньше было уделом описаний «жизни души» человека, то есть чувств и эмоций, сейчас все более вытесняется требованиями тела (ощущениями); тема тела активно вторгается во все сферы человеческой деятельности, «переписывает» по-новому культурные приоритеты, проявляется и в такой специфичной проблеме, как бытование СН в русском дискурсе. Заметим: сегмент внутрителесных ощущений в денотативной сфере СН «внутренний мир человека» осознается в русском дискурсе только с XXI в.

С другой стороны, элементы константной денотативной сферы СН «мир запредельного, инобытия» в настоящее время теряют в своей частотности; их бытование поддерживается в основном художественной литературой – «сферой продуцирования невыразимых смыслов» [1, с. 294]. При этом во многих употреблении элементов поля невыразимого наблюдается десакрализация, профанирование, а то и пародирование изначально высоких смыслов, например, в творчестве Ю. Буйды, В. Пелевина и др.

Переменными сферами денотативной области СН следует признать все остальные: говорящий на свое усмотрение может отметить как невыразимое тот или иной предмет речи, например: *Я понимаю, как решать эту задачу, но не могу это выразить*. СН способна проявиться в процессе оперирования неосвоенными мышлением рациональными концептами. Так, например, когда студенты на экзамене не знают ответа на вопрос, они непроизвольно изображают руками незамысловатые фигуры, что свидетельствует о незнании логического рационального концепта и попытке передать образное ядро концепта [9, с. 28–29]. В приведенном воронежскими учеными примере СН передается паралингвистическими средствами – жестами.

В целом, СН в русском языке – это объективно-субъективное значение. Будучи объективной, она отражает объективную констатацию невыразимости предмета речи. Будучи субъективной, СН отмечает невыразимость предмета, признака, признака признака, действия, образа действия, места или ситуации в целом с позиции говорящего и по его воле. Применительно к денотативным сферам семантики невыразимого заметим, что сфере «запредельного, инобытия» более характерен отражательный, объективный характер, тогда как

сфере «внутренний мир человека» более свойственен субъективный, интерпретационный характер.

Элементы константных денотативных сфер СН в тот или иной исторический период способны стать приметами времени, доминировать в дискурсе художественной литературы, явившись фактом языковой моды. Языковая мода представляет собой языковые предпочтения и оценки, актуальный и престижный образец речевого поведения, который признается привлекательным в данном обществе в данное время. Языковая мода – это проявление языкового вкуса эпохи, последний определяется историческими, социальными и культурными факторами. Оба понятия обладают исторической изменчивостью. Как отмечал Н.М. Карамзин, «вкус изменяется и в людях и в народах» [10, с. 236]. Изменения обусловлены тем, что, согласно внутренним атрибутивным ценностям моды, фундаментальной ценностью в структуре моды является ориентация социума на новизну [11, с. 18].

Исследователи языковой моды применяют это понятие к разным языковым явлениям: речевому этикету [12–14], произносительным нормам [15]; новым словам [16–18]; исследуют политический дискурс или семиотический аспект языковой моды [19, с. 84–85]; изучают языковую моду в художественном дискурсе [20]. Теория языковой моды в настоящее время находится на стадии формирования. Но уже сейчас лингвисты отмечают, что этот языковой феномен несводим к понятию модных слов [21].

В процессе распространения, восприятия и усвоения языковых «мод» происходит их реинтерпретация в соответствии с собственными денотативными («внешними») ценностями воспринимающих эти «моды» обществ, групп и индивидов, как определила Е.В. Клепач. Языковые моды, с одной стороны, усваиваются, с другой – модифицируются в зависимости от глубинных социальных, культурных и психических структур, в которые они включаются [22].

Мы солидаризируемся с позицией Ю.В. Бичай, отмечающей, что вопреки повседневному словоупотреблению, мода принадлежит прежде всего не миру слов, фраз, жестов и вещей, а миру людей. Фразы и вещи сами по себе не меняются под влиянием моды; их изменяют люди, приписывающие им значения. мода касается самых различных сторон жизни, сознания и поведения человека, культуры и языка массовых сообществ [22]. Для адекватного изучения феномена языковой моды исследователь предлагает создать теоретическую модель структуры данного понятия, основанную на идеализации как форме научного абстрагирования.

Применительно к нашему предмету исследования возможно говорить об идеях, которые манифестируются СН и маркируются как модные. Так, в определенный период времени в российской социально-культурной среде стали актуальными (модными) идеи немецкого романтизма, в частности лозунг йенских романтиков для мастеров слова – «выразить невыразимое». В XIX в. распространение лингвокультурных образцов вместе с идеями немецкого романтизма в России привело к тому, что в русской поэзии идея «выразить невыразимое» раскрылась в самобытной интерпретации. Многие элементы поля невыразимого покорили умы читателей русской лирики XIX в., закрепились в русском дискурсе

в качестве интертекстем: «Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои» (Ф.И. Тютчев “Silentium!”); «Невыразимое подвластно ль выраженью?..» (В.А. Жуковский «Невыразимое»).

Традиции немецких романтиков на русской почве испытали существенную модификацию, они отражены творческим талантом В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета и многих других. Обзоры распространения теоретико-эстетических образцов йенских романтиков, представления о назначении поэта – «выразить невыразимое» даются во многих литературоведческих монографиях [6; 23]. Ученые отмечают, что мотив невыразимого явился одним из самых репрезентативных для русской романтической картины мира [24, с. 4]. Исследовав мотив невыразимого на материале романтической поэзии XIX в., В.И. Абрамова пришла к выводу: эволюционируя, романтическая картина мира в аспекте мотива невыразимого «движется» по пути потери целостности, разрушения связей между входящими в нее элементами к новому обретению целостности при ином соотношении составляющих [24, с. 8].

Для нашего исследования существенным является тот факт, что языковая мода на применение элементов поля невыразимого достигла пика в русской романтической поэзии XIX в., потом пошла на спад. В XX в. в творчестве русских символистов вновь стал модным лозунг романтиков «выразить невыразимое». Теоретик символизма Вяч. Иванов провозгласил, что поэзия есть тайнопись неизреченного [25]. Идея поэтов «выразить невыразимое» испытала модификацию в творчестве ОБЭРИУтов: осуществив разрыв отношений между искусством и жизнью, ОБЭРИУты стремились, не выразить невыразимое, а продемонстрировать невозможность этого [26]. Идея «выразить невыразимое», потеряв атрибутивный признак новизны в начале XX в., возродилась в современном русском постмодернизме, пародировании эстетики невыразимого в творчестве В. Пелевина, Дм. Емца и др.

Языковая мода не только характеризует изменения в коммуникативной деятельности общества, но и обнаруживает зависимость от воспринимающих эту моду языковых групп или индивидов. Так, согласно глубокому исследованию Е.Г. Эткинда, «Пушкин прошел мимо "Невыразимого"». «Разумеется, и Пушкину был свойствен культ поэтической тайны, однако загадочность отнюдь не была следствием бессилия что-либо выразить» [6, с. 82]. Напротив, «Лермонтов же усвоил учение немецких романтиков о «невыразимости», о бессилии рационального слова» [6, с. 112].

Очевидно, что реинтерпретация романтической идеи невыразимости поэтического чувства и мира инобытия совпала с денотативными ценностями лирического героя М.Ю. Лермонтова, тогда как для лирического героя А.С. Пушкина проблема йенских романтиков «выразить невыразимое» вызвала позыв к пародированию. Так, персонаж романа «Евгений Онегин» Ленский «шел разлуку и печаль, / И нечто, и туманну даль ...». Такая характеристика поэзии Ленского является вышучиванием идеи немецких романтиков «выразить невыразимое». В целом заметим, что изучение СН в аспекте языковой моды носит сугубо предварительный характер и нуждается в дополнительных исследованиях.

Таким образом, специфика денотативной области СН проявляется в ее константных (внутренний мир человека и мир запредельного) и переменных (всех других) сферах; константная денотативная сфера обнаруживает экспансию средств выражения; элемент константной денотативной сферы СН «выразить невыразимое» формировал языковую моду в русском художественном дискурсе разных литературных направлений, но и зависел от индивидуальных предпочтений мастера слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сырица Г.С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. М.: МГОУ, 2009. С. 294–295.
2. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. М.: ФЛИНТА, 2015. 328 с.
3. Бабайцева В.В. Местоимение *это* и его функциональные омонимы. М.: ФЛИНТА, 2014. 168 с.
4. Гак В.Г. Отображение сокровенного смысла // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 489–496.
5. Михайлова М.Ю. Актуальные проблемы изучения семантики невыразимого // Вестник Башкирского государственного университета. 2015. Т. 20. № 3. С. 1072–1079.
6. Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: очерки психопэтики русской литературы XVIII–XIX вв. М.: Языки русской культуры, 1998. 448 с.
7. Пименова М.В. Категоризация эмоций в наивной картине мира как отражение русской ментальности // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24. № 4-2. С. 352–360.
8. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого. Вербалика внутри телесных ощущений. М.: Эдиториал УРСС, 2014. 320 с.
9. Попова З.Д., Стернин А.И. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
10. Карамзин Н.М. Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской Академии. 5 декабря 1818 // Избранные сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 233–242.
11. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: КД Университет, 2013. 160 с.
12. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянской культуры, 2008. 145 с.
13. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
14. Крылова О.А. Нормативный консерватизм против языковой моды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 9–14.
15. Ганиев Ж.В. О моде в произношении // Язык и общество: межвузовский научный сборник. Вып. 4. Саратов: Саратовский ун-т, 1977. С. 97–108.
16. Мустайоки А., Вепрева Т.И. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006. № 2. С. 45–62.

17. Журавлёва Н.Г. Феномен «модного» слова: лингвопрагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 20 с.
  18. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Языки Славянской Культуры, 2008. 320 с.
  19. Врублевская О.В. К трактовке понятия *языковая мода* в современной лингвистике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-1. С. 84–88.
  20. Рипяхова М.М. Характеристика языковой моды в художественном дискурсе: модные жанры // Филологическая наука в условиях диверсификации образования. 2014. № 1. С. 101–107.
  21. Бичай Ю.В. Атрибутивные компоненты языковой моды // Вестник Днепропетровского университета. 2007. Т. 1. С. 27–33.
  22. Клепач Е.В. Языковая мода: эволюция лингвокультурных форм : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 17 с.
  23. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома, 1996. 230 с.
  24. Абрамова В.И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В.А. Жуковского к К.К. Случевскому : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 233 с.
  25. Иванов Вяч. Заветы символизма // Собрание сочинений. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. С. 588–603.
  26. Тернова Т.А. ОБЭРИУ: история, эстетическая практика (проект главы учебного пособия «История русской литературы XX в.») // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 12. С. 64–73.
- REFERENCES**
1. Syritsa G.S. Semantics of inexpressible as the ethnocultural phenomenon. *Slavyanskije yazyki i kultura v sovremennom mire*. Moscow, MGOU Publ., 2009, pp. 294–295.
  2. Ivanyan E.P. *Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke* [The semantics of the default and the means of its expression in the Russian language]. Moscow, FLINTA Publ., 2015. 328 p.
  3. Babaytseva V.V. *Mestoimenie eto i ego funktsionalnye otonimy* [The pronoun *it* and its functional homonyms]. Moscow, FLINTA Publ., 2014. 168 p.
  4. Gak V.G. Showing hidden meaning. *Sokrovennyye smysly. Slovo. Tekst. Kultura: sb. st.* Moscow, Yazyki slavyanskoy kulturey Publ., 2004, pp. 489–496.
  5. Mikhaylova M.Yu. Semantics of inexpressible studies: topical issues. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, vol. 20, no. 3, pp. 1072–1079.
  6. Etkind E.G. *“Vnutrenniy chelovek” i vneshnyaya rech: ocherki psikhopoetiki russkoy literatury XVIII–XIX vv.* [The “Inside Man” and external speech: essays on psychopoetics of the Russian literature of XVIII–XIX centuries]. Moscow, Yazyki russkoy kulturey Publ., 1998. 448 p.
  7. Pimenova M.V. Categorization of emotions in the naive picture of the world as a reflection of the Russian mentality. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii*, 2011, vol. 24, no. 4-2, pp. 352–360.
  8. Nagornaya A.V. *Diskurs nevyrazimogo. Verbalika vnutri telesnykh oshchushcheniy* [The discourse of the inexpressible. Verbalisation in body sensations]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2014. 352 p.
  9. Popova Z.D., Sternin A.I. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic and cognitive analysis of language]. Voronezh, Istoki Publ., 2007. 250 p.
  10. Karamzin N.M. Speech delivered at the ceremonial meeting of the Imperial Russian Academy. December 5, 1818. *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964. Vol. 2, pp. 233–242.
  11. Gofman A.B. *Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and people. New fashion theory and fashion behavior]. Moscow, KD Universitet Publ., 2013. 160 p.
  12. Krongauz M.A. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kulturey Publ., 2008. 145 p.
  13. Kostomarov V.G. *Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media* [Language taste of the era. From the observation of the speech practices of the media]. Sankt Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 320 p.
  14. Krylova O.A. Normative conservatism against language fashion. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*, 2010, no. 3, pp. 9–14.
  15. Ganiev Zh.V. On the mode of pronunciation. *Yazyk i obshchestvo: mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik*. Saratov, Saratovskiy un-t Publ., 1977. Vyp. 4, pp. 97–108.
  16. Mustayoki A., Vepreva T.I. What is it, a fashionable word: the question of the language options of fashion. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2006, no. 2, pp. 45–62
  17. Zhuravleva N.G. *Fenomen “modnogo” slova: lingvopragmaticheskiy aspekt*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The phenomenon of “fashionable” word: linguopragmatic aspect]. Stavropol’, 2010. 20 p.
  18. Krysin L.P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh. Ocherki o russkoy leksike i leksikografii* [The word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kulturey Publ., 2008. 320 p.
  19. Vrublevskaya O.V. To the problem of interpreting the concept language fashion in modern linguistics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 1-1, pp. 84–88.
  20. Ripyakhova M.M. Characteristics of the language of fashion in the artistic discourse. *Filologicheskaya nauka v usloviyakh diversifikatsii obrazovaniya*, 2014, no. 1, pp. 101–107.
  21. Bichay Yu.V. Attribute components of the language of fashion. *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta*, 2007, vol. 1, pp. 27–33.
  22. Klepach E.V. *Yazykovaya moda: evolyutsiya lingvokulturnykh form*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Language fashion: evolution linguocultural forms]. Moscow, 2000. 17 p.
  23. Zhirmunskiy V.M. *Nemetskiy romantizm i sovremennaya mistika* [German romanticism and mod-

- ern mysticism]. Sankt Petersburg, Aksioma Publ., 1996. 230 p.
24. Abramova V.I. *Motiv "nevyrazimogo" v russkoy romanticheskoy kartine mira: ot V.A. Zhukovskogo k K.K. Sluchevskomu*. Diss. kand. filol. nauk [The motive of "inexpressible" in Russian romantic picture of the world: from the V.A. Zhukovsky to K.K. Sluchevsky]. Moscow, 2007. 233 p.
25. Ivanov Vyach. Covenants symbolism. *Sobranie sochineniy*. Bryussel', Foyer Oriental Chrétien Publ., 1974. Vol. 2, pp. 588–603.
26. Ternova T.A. OBERIU: history, aesthetic practices (draft chapter of textbook "History of Russian literature XX century"). *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2014, no. 12, pp. 64–73.

DENOTATIVE FIELD FEATURE OF SEMANTICS OF INEXPRESSIBLE

© 2016

M.Yu. Mikhailova, PhD (Education), Associate Professor, assistant professor of Chair of Foreign Languages
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

Keywords: functional and semantic category; semantics of inexpressible; motive of inexpressible; language fashion.

Abstract: The paper defines semantics of inexpressible as the functional and semantic category, which has an independent meaning and plan of expression – the field of inexpressible; presents a brief overview of its studies in linguistics. The work proves that it is an objective-subjective meaning of the Russian language. The denotative field of semantics of inexpressible consists of constant and variable spheres. There are two constant spheres: the inner world of a man and the world beyond. It is shown that the expansion of elements of the field of inexpressible is observed in the first of the constant spheres. As a result, the overlapping of the field of inexpressible and the field of semantics of an extremely high quality of concentration takes place. The denotative sphere "inner world of a human" in the 21st century was replenished with intracorporal segment. It is shown that the elements of the second constant denotative sphere of semantics of inexpressible "world of the beyond" become less frequent and remain mostly in the language of literature. At the same time, the use of the elements of this sphere implies profanation and mimicking of initially high meanings. As for the variable spheres of the denotative area of semantics of inexpressible, the linguistic units of inexpressible correlate with various objects in broad sense, qualities and phenomena, and are applicable with respect to everything phenomenal – the sensible, and in relation to the noumenal – intelligible, but not observed. In particular, the elements of the field of inexpressible arise when one is operating rational concepts by undeveloped thinking. The element of semantics of inexpressible "to express the inexpressible" is a linguistic manifestation of the theory of the German Romantics, as the representative of the constant spheres of the language. In the Russian language in certain periods of time it became a part of the linguistic fashion in literature: Russian lyrics of the 19th century, symbolism of the early 20th century, creativity of the members of the Real Art Association, and modern Russian post-modernism. Through the example of creativity of A.S. Pushkin and M.Yu. Lermontov, the author shows that the fashion element of the artistic discourse of the 19th century "to express the inexpressible" could have been popular or unclaimed due to the individual preferences of artist in words.